

УДК 301:008+94(470.75)084.8:061.75

Общественное осуждение военных преступников Великой Отечественной войны как советская коммеморативная практика (на примере крымских газет)

Борунов Святослав Сергеевич

Аспирант,
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
295017, Российская Федерация, Симферополь, ул. Киевская, 39;
e-mail: borunovsl@mail.ru

Аннотация

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории человечества, а для Советского Союза она стала одним из самых трагических и одновременно героических периодов в его существовании. Крым, как один из регионов, пострадавших от военных действий, стал местом осуществления ужасающих событий, включая массовые убийства и разрушения. После окончания войны, советские власти предприняли ряд мер по коммеморации этих событий, одна из которых была связана с обсуждением и осуждением военных преступников. Общественное осуждение военных преступников стало важным методом коммеморации событий Великой Отечественной войны в Крыму в советский период. Этот процесс не только позволил привлечь виновных к ответственности, но и обеспечил обществу возможность выразить свой гнев и скорбь по прошедшей войне. Однако, такая практика также предполагала постановку ряда сложных вопросов, связанных с внешнеполитической и идеологической подоплекой, культурной травмой как советского, так и немецкого общества, а также с ролью советских властей в организации и проведении процессов над военными преступниками.

Для цитирования в научных исследованиях

Борунов С.С. Общественное осуждение военных преступников Великой Отечественной войны как советская коммеморативная практика (на примере крымских газет) // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 9А. С. 118-128.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, Крым, социокультурное пространство, коммеморация, коммеморативная практика, мемориальное наследие, мемориальный конфликт, коллективная память, культурная травма.

Введение

Великая Отечественная война (1941-1945 гг.), трагическое событие истории, затронувшее каждую семью и ставшее культурной травмой для нескольких поколений граждан СССР. Оно существенно повлияло на формирование общей ментальности советских граждан, став наряду с событиями Великой Октябрьской революции фундаментом советской мемориальной культуры. Крым в годы войны стал ареной ожесточенных боев и местом массовых военных преступлений, совершенных оккупационными немецкими силами. В послевоенный период, когда основной фокус общества был направлен на восстановление разрушенного хозяйства и социальной инфраструктуры, особое внимание уделялось также моральному и правовому осуждению военных преступников.

Настоящая статья направлена на исследование роли общественного осуждения военных преступников как практика коммеморации событий Великой Отечественной войны в Крыму в советский период. Рассмотрены публикации в советских газетах о судебных процессах, публичных обсуждениях, митингах и демонстрациях, а также о мемориальных мероприятиях, посредством проведения которых, общество стремилось сохранить память о жертвах, осудить преступления и добиться справедливости. Особое внимание уделено анализу именно газетных статей, как наиболее удобному и популярному методу аккумуляции архивных данных, свидетельских показаний, новостных сводок и выражения общественной позиции населения, чтобы на примере Крыма выявить механизмы и влияние этих процессов на формирование исторической памяти и идентичности советского гражданского общества.

Целью исследования на примере реконструкции исторических событий, раскрыть влияние процесса общественного осуждения военных преступников на формирование советского нарратива о Великой Отечественной войне.

Основная часть

В советском послевоенном обществе (1945–1991 гг.) участие в митингах, производственных собраниях, голосованиях и иных видах народного волеизъявления помимо положительного эффекта народного единения, межпоколенческой трансляции коллективной памяти и гражданской идентичности, безусловно имело и негативные стороны в виде стандартизации общественных ритуалов, что приводило к частичной потере эмоциональной вовлеченности «добровольно-принудительно» приглашенных участников и потери ощущения важности происходящего.

Однако, по мнению американско-российского антрополога А.В. Юрчака, «подобные акты неверно сводить к поддержке или притворству и неверно называть бессмысленными» [Юрчак, 2024], поскольку такое участие в общественных собраниях было не просто формальностью, но активным действием, которое давало людям определенные возможности и накладывало ограничения. Через это участие люди вписывались в существующую систему и становились «нормальными» советскими гражданами. Но при этом в реальной жизни их интересы и поступки могли отличаться или даже противоречить тому, за что они голосовали на собраниях.

В свою очередь, тема Великой Отечественной войны в социокультурном пространстве Советского Союза отличалась крайней степенью искренней вовлеченности граждан вплоть до его распада в 1991 году в связи с тем, что это страшнейшее событие XX века затронуло каждую советскую семью и стало мощнейшим фактором формирования коллективной памяти и национальной идентичности в СССР. Особенно ярко эта тема отражалась в общественно-

политических дискуссиях в 1950-60-х гг. в связи с относительной молодостью и пассионарностью большинства участников и жертв войны. Ветераны и свидетели событий войны часто имели активную гражданскую позицию, писали свои отзывы в редакции газет, делились историями из своей жизни, ответственно относились к участию в памятных мероприятиях и добровольно принимали участие в антифашистских митингах, как в Советском Союзе, так и за его пределами.

Такое состояние советского общества не могло не столкнуться с противоположной позицией немецкого общества – его политикой «коммуникативного забвения». В отличие от позиции граждан СССР, представителей народа-победителя, стремящегося к всеобъемлющей огласке событий Второй Мировой войны, осуждению скрывающихся военных преступников и окончательному искоренению идеологии национал-социализма и национал-фашизма, расизма и других форм угнетения, немецкое общество, потрясенное сокрушительным поражением и признанием собственного участия в преступлениях против человечности, закономерно ощутило разрушение фундамента не только политической, но и духовной основы общества – чувства собственной правоты.

Отметим, что немецкое послевоенное общество, состоявшее не только из бывших военных преступников, «попутчиков режима», вернувшихся домой военнопленных, но и простых граждан, переживших распад собственных убеждений и ценностей, стремилось к обретению покоя. Немецкий исследователь Ф. Хубер, так описывает психологическое состояние немецкого общества: «...покой позволил дистанцироваться от ужаса недавнего прошлого. Для одних это было спасением из водоворота трагедий, для других – величайшим обманом эпохи, ибо в основе этого покоя лежал заговор молчания, запретивший называть своими именами и вытеснивший из сознания общества его преступления <...>. Забвение стало гражданской благодетелью» [Хубер, 2024].

По мнению немецкого исследователя Х. Йенера, в послевоенной Германии (в первую очередь в ФРГ) немцы стали считать себя жертвами Гитлера, что позволило им найти оправдание и начать новую жизнь в демократическом обществе, не чувствуя себя предателями. Однако такая политика «самовиктимизации» закономерно привела к замалчиванию преступлений режима и даже интеграции бывших нацистов в новое общество. Следствием этого стало возмущение демократически ориентированных немцев тем, что в 1950-х гг. Бундестаг принял ряд законов об амнистии, освободивших большинство нацистских преступников от ответственности.

Сегодня, когда память о нацистских преступлениях (приведших, к примеру, к жертвам Холокоста) стала ядром немецкой культуры, такая защита преступников кажется шокирующей. Но в тот период времени для многих немцев призыв к амнистии означал не столько оправдание нацизма, сколько желание начать заново. Возможно, это было вызвано чувством вины и мыслью, что осужденные отбывают наказание за всё общество [Йенер, 2024].

Примечателен тот факт, что с Восточной Германией Советский Союз имел намного меньше мемориальных конфликтов. После Второй мировой войны Советский Союз активно продвигал идеи мира и дружбы между народами, особенно в ГДР. Однако данный процесс установки дружбы советского народа с немецким был затруднен из-за возникавших исторических аллюзий, связанных с нацизмом. Восточная Германия старалась дистанцироваться от нацистского прошлого и от Западной Германии, которая считалась очагом неонацизма.

Востоногерманские лидеры, такие как Вальтер Ульбрихт и Эрих Хонеккер, подчеркивали важность борьбы против фашизма и германского империализма. Они также выражали

благодарность Советскому Союзу за освобождение от фашизма и подчеркивали значение братской дружбы между народами.

Однако, по мнению А.Д. Попова, на личном уровне многие граждане Восточной Германии старались избегать обсуждения событий военного прошлого и пытались переместить эту тему в «зону умолчания». Это было связано с тем, что индивидуальная или семейная память о событиях 1941-1945 годов всё же проявлялась довольно часто и вызывала негативные эмоции [Попов, 2022].

Примеры противостояний двух схем коллективной памяти (советской и западногерманской) ярко проявлялись в публикациях советских и, в частности, крымских газет. Тема Великой Отечественной войны в газетах довольно часто поднималась именно в контексте современной внешней политики СССР по поиску и экстрадиции беглых нацистских преступников, в годы войны совершавших преступления против советских граждан. Следует отметить, что под термином «военный преступник» подразумевали не только непосредственно немецких нацистов и их союзников, но и граждан Советского Союза – местных коллаборационистов, совершивших тяжкие преступления в отношении своих соотечественников. Если, по мнению Е.В. Просоловой и О.В. Романько в советском искусстве «...тема сотрудничества советских граждан с немцами в годы Великой Отечественной войны не скрывалась, но и не афишировалась» [Романько, 2023], то в аспекте газетной агитации граждан применялась довольно часто.

Говоря об отображении данной темы в крымских газетах, следует отметить факт того, что при публикации таких тем авторы не ограничивались материалами об известных массовых казнях гражданского населения в Багеровском рву, Аджимушкских каменоломнях, симферопольском лагере смерти «Красный» и др., но и акцентировали внимание на описании малоизвестных событий оккупации Крыма 1941-1944 гг.

В частности, в статье П. Киричек «Тайна старого колодца» описывается судьба крымских коллаборационистов Варкентина Я.П., Варкентина Е.К. и Гильдебранда И-Г. А., в мае 1942 года в с. Колодезном, Октябрьского района Крымской АССР расстреляли и сбросили в колодец коммуниста Н. Чуба и 6 членов его семьи, коммунистов С. Миронюка, С. Логинова и других. После войны трое преступников через Западную Германию бежали в Канаду, где осели на постоянном месте жительства в штате Онтарио. Авторы статьи отделяют «трудолюбивых жителей этой страны», ничего не знавших о живущих рядом с ними коллаборационистах и правительство Канады, намеренно участвовавшем в принятии и сокрытии военных преступников, чьи злодеяния были доказаны в СССР [Киричек, 1964].

Тема выдачи военных преступников, после войны скрывавшихся в ФРГ также часто фигурирует в крымских газетах. Например, в статье Б. Лысова и Г. Соколова «Память выносит приговор», опубликованной в выпуске газеты «Крымская правда» от 8 июня 1968 года, описывается расследование прокуратуры Мюнхена (ФРГ) относительно причастности бывшего оберштурмбанфюрера СС и одного из шефов СД г. Симферополя Пауля Цаппа к совершению военных преступлений в годы Второй Мировой войны. В статье авторы высмеивают лицемерную политику ФРГ, вследствие которой многие нацистские военные преступники сумели избежать наказания, и высказывают пожелание «судить подобных преступников по месту совершения преступлений» и выражают общественное требование крымчан к мюнхенским судьям о назначении преступнику высшей меры наказания [Лысов, 1968].

Или, например, в другом выпуске газеты «Крымская правда» от 17 декабря 1961 г. в статье Б. Богданова описывается протест советского правительства и крымской общественности против решения Пентагона о назначении Адольфа Хойзингера (который в годы Второй

Мировой войны был генерал-лейтенантом, начальником оперативного управления генерального штаба сухопутных сил нацистской Германии), на должность председателя постоянного военного комитета НАТО в Вашингтоне. В 1961 году прокуратура СССР безуспешно требовала от США выдачи А. Хойзингера в связи с его руководящей ролью в совершении ряда массовых военных преступлений против советских граждан в УССР и Крымской АССР.

В Крыму, в частности, по сообщению Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, именно А. Хойзингер приказал саперной команде применить ядовитые газы для ликвидации партизан и мирных жителей, находившихся в Аджимушкайских каменоломнях [Богданов, 1981].

16 декабря 1961 года в Керчи был проведен митинг трудящихся, целью которого было выражение народной поддержки горожан требованиям советской прокуратуры об экстрадиции А. Хойзингера в СССР. Несмотря на то, что митинги в советское время никогда не организовывались без согласования с властями, следует отметить, что такие мероприятия активно поддерживались населением и выражали мнение людей, многие из которых сами являлись жертвами нацистских преступников, правосудия над которыми они требовали. Так, на митинге 16 декабря выступили непосредственные свидетели преступлений А. Хойзингера: машинист экскаватора Камыш-Бурунского железнорудного комбината Ф.И. Науменко – бывший матрос-черноморец, которому удалось выжить во время расстрелов в Багеровском рву; заведующий учебной частью средней школы имени Володи Дубинина М.П. Радченко, в годы войны – участник обороны Аджимушкайских каменоломен; работница труболитейного завода К. Шамова; агломератник железнорудного комбината М.Ф. Лохматин и другие. По итогам митинга была принята резолюция, включавшая в себя требование о немедленной выдаче и привлечении к ответственности А. Хойзингера [Богданов, 1981].

Справедливости ради следует отметить, что практика назначения бывших генералов вермахта на руководящие посты в партиях, армии и спецслужбах существовала не только в ФРГ и других странах блока НАТО, но и в просоветской Германской Демократической Республике. Однако среди них не было большого количества широко известных «одиозных личностей» подозревавшихся в совершении массовых военных преступлений, за исключением самых ярких примеров в виде фельдмаршала Фридриха Паулюса (после войны – начальник военно-исторического центра, преподаватель в высшей школе казарменной народной полиции ГДР), являвшегося одним из разработчиков плана «Барбаросса» и генерал-лейтенанта Винценца Мюллера (после войны – начальник Главного штаба Народной армии ГДР), вопрос о виновности которого в массовых расстрелах евреев и советских военнопленных в г. Артёмовске, Сталинской Области УССР поднимался лишь после его самоубийства в 1961 году.

В крымских газетах периода 1960-х годов можно обнаружить публикации, затрагивающие темы судеб бывших узников нацистских концлагерей. В статье М. Голованевского «Сильные духом» (1962 г.) были приведены интервью с крымчанками – бывшими узницами женского концлагеря Равенсбрюк В.С. Удовенко, Е.Л. Клем, Л.Ф. Безноговой, Т.И. Гордеевой и Г.В. Охотской. Крымчанки, попав в концлагерь, развернули агитационную антифашистскую деятельность: тайно слушали и передавали узникам сводки Совинформбюро, вселяя надежду на освобождение и скорое падение нацистского режима. Там же крымчанки познакомились с другими представительницами международного антифашистского движения: Розой Тельман – женой лидера Коммунистической партии Германии Эрнста Тельмана, Мари-Клод Вайян Кутюрье – женой одного из основателей Французской коммунистической партии, Марией

Запотоцкой – женой президента Чехословацкой Республики, Зденки Неедловой – дочери чехословацкого революционера и многими другими.

После освобождения из концлагеря и возврата к мирной жизни, крымчанки поддерживали связь с ветеранским сообществом и международным антифашистским движением. В 1959 году бывшая узница Равенсбрюка, жительница Белогорского района Крыма Лидия Федоровна Безногова участвовала в международном антифашистском митинге в Берлине и, вместе с тысячами других бывших узниц из разных стран Европы, посетила открывшийся музей концлагеря Равенсбрюк. Среди них, Лидия Федоровна вновь встретила Розу Тельман, ставшую к тому моменту депутатом народной палаты ГДР, познакомилась с её дочерью Ирмой и многими другими выдающимися личностями антифашистского движения, поклявшись «бороться против возрождения милитаризма в Западной Германии, всеми силами отстаивать мир на земле» [Голованевский, 1962]. Лидия Федоровна Безногова была награждена медалью «Борец против фашизма» из рук Заместителя премьер-министра ГДР Генриха Рау.

В интервью с крымчанками – бывшими узницами Равенсбрюк, также упоминается обсуждение с ними недавно вышедшей в Госполитиздате книги «Они победили смерть» (1961 г.) за авторством В.С. Удовенко-Бобковой, Н.Ф. Харламовой, З.М. Кудрявцевой, Л.В. Бойко и других бывших узниц этого концлагеря. Крымчанки положительно отзываются о книге, вспоминают других крымчанок-активисток, погибших в концлагере, в частности лечившую больных узников медицинскую работницу Зинаиду Васильевну Аридову, отказавшуюся работать на лагерную администрацию и Ольгу Суворову, работницу евпаторийского санатория, сожженную в концлагерном крематории.

Заканчивается статья словами осуждения современной политики Западной Германии и антиамериканскими лозунгами: «И теперь, когда в Западной Германии опять поднимают голову фашистские выродки, вскормленные американскими империалистами, люди доброй воли всей земли должны еще теснее сомкнуть ряды борцов за мир, не допустить нового чудовищного преступления» [Голованевский, 1962].

В. Широков, в статье «Не забудем, не простим! Документы обличают» (1965 г.) высказывает международный протест против политики «забвения», проводимой правительством ФРГ: «...никто не забыл ужасов, бед и лишений, которые она (Вторая Мировая война – ред. С.Б.) принесла человечеству. Вот почему свободолюбивые народы мира активно выступают против намерения правительства Федеративной Республики Германии прекратить за давностью лет преследование военных преступников» [Широков, 1965]. В этом автора поддерживает ветеран войны Л. Фалеев, чье обращение под названием «Палачам пощады нет!» было опубликовано как дополнение к статье. В нём, Фалеев напоминает о чудовищных жертвах и преступлениях против мирного населения СССР в ходе немецко-фашистской оккупации, часть из которых, он, как фронтовик видел лично. Дополнение заканчивается словами: «Я как участник гражданской и Великой Отечественной войн, присоединяю свой голос протеста против решения правительства ФРГ. Никакой пощады фашистским палачам!» [Широков, 1965].

Несмотря на прошедшие, на момент написания статьи, двадцать лет с момента окончания войны, её последствия остаются в памяти людей, непосредственно переживших её, и новых поколений, которым передается эта память. В. Широков пишет: «Проходят годы, но в памяти людской живы картины ужасов войны. Вот почему мы вспоминаем о них, вот почему мы требуем мира, боремся за него» [Широков, 1965].

Важную роль в описании событий Великой Отечественной войны в Крыму играет изложение историй подвигов крымчан в оккупации. Н. Болтин в статье «Через двадцать лет» (1964 г.)

придается огласке история неизвестного подростка (местного патриота, скорее всего не состоявшего в подпольных организациях) арестованного ГФП-312 (подразделение немецкой тайной полевой полиции) в городе Старый Крым приблизительно в 1943 или 1944 году. Допрос вел сотрудник ГФП-312 Альфред Ламп (уроженец Херсонской области, коллаборационист, с 1943 года, в возрасте 17 лет поступил на службу переводчиком в ГФП-312). Подростка обвиняли в хранении красного знамени: «...самое обычное знамя какого-то предприятия или учреждения, с которым коллектив выходил на праздничные демонстрации. Для юноши это знамя было святыней, символом Великой революции, величия и красоты нашей свободной жизни. Он, конечно, знал, что, храня его, рискует жизнью. Но советский патриот не мог поступить иначе» – объясняет автор статьи Н. Болтин. После пыток и допросов, так и не добившись от подростка показаний, его расстреляли. Во второй части статьи под заголовком «“Дядя Вася” и “Павлик”», приводятся свидетельства других преступлений переводчика А. Лампа. В декабре 1943 года им были подвергнуты пыткам и казнены двое мужчин, представившихся вышеуказанными именами.

Бесчеловечные пытки также не дали результата – ГФП так и не узнало о том, что эти двое мужчин – Ванеев Иван Петрович («Дядя Вася») и Павел Сергеевич Ларискин («Павлик»), были советскими подпольщиками. В статье также описывается факт непосредственного участия А. Лампа в казнях узников Семиколодезянского лагеря (Ленинский район Крыма). После окончания войны, двадцать лет спустя, Альфред Ламп и другой переводчик, уроженец Херсонской области Эмиль Нурберг (на момент вступления в ряды ГФП-312 в 1943 году ему было 20 лет) были арестованы органами госбезопасности СССР и после окончания следствия доставлены в Крымский областной суд [Болтин, 1964].

Продолжение этой истории было опубликовано в выпуске газеты «Крымская правда» от 28 мая 1964 года. В статье «На скамье подсудимых – каратели». 27 мая в Крымском областном суде в Симферополе состоялся процесс над А. Лампом и Э. Нурбергом, в ходе которого было доказано участие подсудимых в ряде других военных преступлений против мирного населения и военнопленных Красной Армии, совершенных ими в районе села Серогозы и в городе Старый Крым. Также был доказан факт участия подсудимых в пытках Вити Коробкова – феодосийского пионера-подпольщика (посмертно награжден медалью «За отвагу») и убийстве его отца Михаила Коробкова, также феодосийского подпольщика. Финал истории опубликован в выпуске «Курортной газеты» от 30 мая 1964 года. В статье «Возмездие! Суд над фашистскими наймитами закончился» опубликован текст приговора суда: «На основании статьи 56 Уголовного Кодекса УССР суд приговорил Эмиля Нурберга к 15 годам лишения свободы, с отбыванием первых 5 лет в тюрьме со строгим режимом и последующие 5 лет в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с конфискацией принадлежащего ему имущества и ссылкой после отбытия наказания на 5 лет. Альфред Ламп приговорен к 10 годам лишения свободы с отбыванием первых 5 лет в тюрьме со строгим режимом и последующих 5 лет в исправительно-трудовой колонии строгого режима, с конфискацией принадлежащего ему имущества».

В статье «Возмездие» от 29 декабря 1967 года в газете «Крымский комсомолец» описывается другой судебный процесс в Краснодаре, проводившийся над группой коллаборационистов, включая В.Г. Керера, В.Н. Элизбарашвили и других лиц, которые ранее служили в Красной армии. Они были захвачены в плен в 1941 году и позже, в 1942 году, добровольно присоединились к «Кавказской роте». В Симферополе они принимали участие в репрессиях против гражданского населения, включая облавы, расстрелы и грабежи, а также охраняли концентрационные лагеря. Кроме Крыма, их преступления были совершены в Ставрополе, Армавире и Майкопе. Суд приговорил шестерых из них к смертной казни, а

остальных к 15 годам заключения. Командир подразделения, Вальтер Керер, хотя и был заочно приговорен к расстрелу, избежал экстрадиции в СССР и прожил остаток жизни в Германии, в городе Вахенхайме [Недушкин, 1967].

В номере газеты «Советский Крым» от 22 июня 1986 года была опубликована статья В. Селивановой под заголовком «Возмездие», где подробно описывался суд над бывшим роттенвахманом Ф. Федоренко в Симферополе. Федор Демьянович Федоренко, родом из Джанкоя, служил в Красной Армии и попал в плен в августе 1941 года. В плену он добровольно вступил в СС, после чего был отправлен на обучение в Травники в оккупированной Польше. По завершении обучения он участвовал в оцеплении гетто в Люблине и Варшаве, а в 1942 году конвоировал узников в лагерь смерти Треблинка. Свидетели утверждали, что Федоренко лично избивал и загонял заключенных в бараки, а также входил в расстрельные команды. С 1943 года он служил в концентрационных лагерях Штуттгоф и Пелец, где продолжал совершать преступления. В мае 1945 года он присоединился к немецкому фольксштурму. После войны, изменив биографию, он получил гражданство США и жил там до 1984 года. Федоренко несколько раз привлекался к суду, но доказательств его вины не хватало. В 1984 году, после предоставления УКГБ Крымской области новых доказательств, он был экстрадирован в СССР.

Суд над Федоренко проходил в Симферополе в зале Крымского областного суда и был открытым, но зал не смог вместить всех желающих. Суд признал Федоренко виновным в тяжких преступлениях по статье 56 Уголовного кодекса УССР, с учетом Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1965 года о наказании за преступления против мира и человечности. Федоренко был приговорен к смертной казни и конфискации имущества. Приговор вызвал бурные овации у присутствовавших в зале [Селиванова, 1986].

Крымские газеты также обращали внимание и на факты проведения нацистами медицинских экспериментов на людях в оккупированном Крыму. С ноября 1941 года первая городская больница Симферополя была занята немецкими войсками и использовалась как лечебное учреждение для раненых военнослужащих Люфтваффе. В статье «Тайна “Фельдпочты №24007”», опубликованной в газете «Труд» от 9 марта 1965 г. указывается, что в составе больничного комплекса был создан секретный объект под названиями «Фельдпочта №24007» и «Фельдпрозектура «Б». Руководил этим объектом патологоанатом Готфрид Кюнтер, который также стал главным врачом больницы, и его заместитель Оскар Шульц, хирург. Патологоанатомическое отделение было разделено на два отдела: один для лечения раненых немцев, другой для проведения экспериментов. Для экспериментов использовали подвальные помещения больницы, куда также переместили группу советских военнопленных.

Санитар больницы И.С. Галкин в 1944 г., уже после освобождения Симферополя, дал показания чрезвычайной следственной комиссии по расследованию злодеяний гитлеровских захватчиков после освобождения Крыма: «...Утром, когда мы пришли на работу, то увидели на топчане два трупа, это были юноши примерно по 17 лет...Под топчаном была большая лужа крови, следы крови были и на секционных столах. Санитары-немцы говорили: «Русские партизаны». <...> На протяжении последующих месяцев мы неоднократно обнаруживали трупы... Трупы имели такие же разрезы, а у некоторых дополнительно имелись разрезы на шее по ходу сонной артерии и ниже до подключичной артерии»

Авторы статьи В. Прокопенко и В. Романов так обосновывают важность опубликованных ими материалов: «Власти Западной Германии пытаются обелить гитлеровских преступников и одновременно убедить рядового немца в том, будто германский милитаризм перерождается в этакую безобидную овечку» [Прокопенко, 1965].

Выводы

Общественное осуждение военных преступников стало важной практикой советских властей по коммеморации событий Великой Отечественной войны в Крыму. Такой подход к агитации обеспечил возможность обществу выразить свой гнев и скорбь по поводу произошедших преступлений, обеспечив эмоциональный всплеск, напомнивший об уже забывавшихся событиях прошедшей войны. Такие события помогали мобилизовать общественное мнение и объединить старшее и молодое поколение советских граждан, усилившейся коллективной памятью. Однако, также было выявлено, что этот коммеморации использовался и для достижения внешнеполитических целей, в частности, для укрепления авторитета советской власти и для формирования единого образа врага в виде «западногерманских милитаристов» и их покровителей в лице «американских империалистов».

Наконец, исследование подчеркнуло важность понимания исторического контекста и политической подоплеки общественного осуждения военных преступников в Крыму в советский период. Это понимание может помочь нам лучше оценить сложность и противоречивость этой практики, а также его значение для коммеморации событий Великой Отечественной войны.

Таким образом, общественное осуждение военных преступников в Крыму в советский период представляло собой комплексный и многогранный процесс, который не только обеспечивал правосудие, но и играл ключевую роль в формировании и сохранении коллективной памяти о Великой Отечественной войне. Исследование подчеркивает важность понимания исторических механизмов коммеморации для анализа современных общественных процессов и международных отношений.

Библиография

1. Богданов Б. Их отравили газами. О зверствах Хойзингера. / Б. Богданов // Крымская правда. 1961. № 250. С. 10.
2. Богданов Б. Фашистського ката – до суду! Їх убив Хойзінгер / Б. Богданов // Радянська Україна. 1961. № 81. С. 15.
3. Болтин Н. Через двадцать лет / Н. Болтин // Советский Крым. 1964. № 95. С. 7.
4. Возмездие! Суд над фашистскими наймитами закончился // Курортная газета. 1964. № 108. С. 3.
5. Голованевский М. Сильные духом / М. Голованевский // Крымская правда. 1962. № 40. С. 2.
6. Селиванова В. Возмездие / В. Селиванова // Советский Крым. 1986. № 120. С. 5.
7. Йенер Х. Волчье время. Германия и немцы: 1945-1955 / Х. Йенер; [пер. с нем. Р. Эйвадаса; под ред. В. Зацепина]. – М.: Individuum. 2024. С. 480.
8. Киричек П. Тайна старого колодца / П. Киричек // Крымская правда. 1964. № 125. С. 11.
9. Лысов Б. Память выносит приговор / Б. Лысов, Г. Соколов // Крымская правда. 1968. № 133. С. 8.
10. На скамье подсудимых – каратели // Крымская правда. 1964. № 105. С. 4.
11. Недушкин В. Возмездие. К процессу над изменниками Родины в Краснодаре / В. Недушкин // Крымский Комсомолец. 1967. № 154. С. 8.
12. Попов А.Д. «Конструирование дружбы» в отношениях Советского Союза и Восточной Германии (1949-1989) / А.Д. Попов // Научный диалог. 2022. № 6. 2022. С. 471-487.
13. Прокопенко В. Тайна «Фельдпочты № 24007» / В. Прокопенко, В. Романов // Труд. 1965. № 56. С. 3.
14. Романько О.В. Память о предательстве: образ коллаборациониста в послевоенном советском кинематографе / О.В. Романько, Е.В. Просолова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. № 1. С. 240-249.
15. Хубер Ф. За дверью поджидают призраки: Драма послевоенной семьи в Германии / Ф. Хубер; [пер. с нем. А.Н. Анваера]. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. С. 288.
16. Широков В. Не забудем, не простим! Документы обличают / В. Широков. // Крымская правда. 1965. № 40. С. 7.
17. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак; [пер. с англ. А. Юрчак]. – М.: Новое литературное обозрение. 2024. С. 664.

Public condemnation of war criminals of the Great Patriotic War as a Soviet commemorative practice (based on the example of Crimean newspapers)

Svyatoslav S. Borunov

Postgraduate student,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
295017, 39, Kievskaya str., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: borunovsl@mail.ru

Abstract

The Great Patriotic War left an indelible mark on the history of mankind, and for the Soviet Union it became one of the most tragic and at the same time heroic periods in its existence. Crimea, as one of the regions affected by the hostilities, has become the scene of horrific events, including mass killings and destruction. After the end of the war, the Soviet authorities took a number of measures to commemorate these events, one of which was related to the discussion and condemnation of war criminals. Public condemnation of war criminals has become an important method of commemorating the events of the Great Patriotic War in Crimea during the Soviet period. This process not only allowed the perpetrators to be brought to justice, but also provided the public with an opportunity to express their anger and grief over the past war. However, this practice also involved raising a number of complex issues related to foreign policy and ideological background, cultural trauma of both Soviet and German society, as well as the role of the Soviet authorities in organizing and conducting trials of war criminals.

For citation

Borunov S.S. (2024) *Obshchestvennoye osuzhdeniye voyennykh prestupnikov Velikoy Otechestvennoy voyny kak sovetskaya kommemorativnaya praktika (na primere krymskikh gazet)* [Public condemnation of war criminals of the Great Patriotic War as a Soviet commemorative practice (based on the example of Crimean newspapers)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (9A), pp. 118-128.

Keywords

The Great Patriotic War, Crimea, socio-cultural space, commemoration, commemorative practice, memorial heritage, memorial conflict, collective memory, cultural trauma.

References

1. Bogdanov B. (1961) *Ih otravili gazami. O zverstvah Hojzingera. About the atrocities of Heusinger* [They were gassed. About Heusinger's atrocities Krymskaya Pravda]. № 250. p. 10.
2. Bogdanov B. (1961) *Fashists'kogo kata – do sudu! Ikh ubiv Khoyzinger* / B. Bogdanov // *Radyans'ka Ukraïna* [Fascist catastrophe – to trial! Heusinger killed them / B. Bogdanov // *Radyanska Ukraina*]. № 81. P. 15.
3. Boltin N. (1964) *Cherez dvadtsat' let* / N. Boltin // *Sovetskiy Krym* [Twenty years later / N. Boltin // *Sovetskiy Krym*]. № 95. P. 7.
4. *Vozmezdiye! Sud nad fashistskimi naymitami zakonchilsya* // *Kurortnaya gazeta* (1964) [Retribution! The trial of the fascist mercenaries is over // *Kurortnaya Gazeta*]. № 108. P. 3.
5. Golovanevsky M. (1986) *Sil'nyye dukhom* / M. Golovanevskiy // *Krymskaya Pravda* [Strong in spirit / M. Golovanevsky // *Krymskaya Pravda*]. № 40. P. 2.

6. Selivanova, V. (1961) *Vozmezdnye / V. Selivanova // Sovetskiy Krym* [Retribution / V. Selivanova // Sovetsky Krym]. № 120. P. 5.
7. Jenner H. (2024) *Volch'ye vremya. Germaniya i nemtsy: 1945-1955 / KH. Yyenner; per. s nem. R. Eyvadisa; pod red. V. Zatsepina* [The Time of the Wolf. Germany and the Germans: 1945-1955 / H. Jenner; translated from German by R. Eyvadis; edited by V. Zatsepin]. – M.: Individuum. P. 480.
8. Kirichek P. (1964) *Tayna starogo kolodtsa / P. Kirichek // Krymskaya Pravda* [The Secret of the Old Well / P. Kirichek // Krymskaya Pravda]. № 125. P. 11.
9. Lysov B. (1968) *Pamyat' vynosit prigovor / B. Lysov, G. Sokolov // Krymskaya Pravda* [Memory Pronounces Verdict / B. Lysov, G. Sokolov // Krymskaya Pravda]. № 133. P. 8.
10. *Na skam'ye podsudimyykh – karатели // Krymskaya Pravda* (1964) [Punishers in the dock // Krymskaya Pravda]. № 105. P. 4.
11. Nedushkin V. (1967) *Vozmezdnye. K protsessu nad izmennikami Rodiny v Krasnodare / V. Nedushkin // Krymskiy Komsomolets* [Retribution. On the trial of traitors to the Motherland in Krasnodar / V. Nedushkin // Krymsky Komsomolets]. № 154. P. 8.
12. Popov A.D. (2022) *«Konstruirovaniye druzhby» v otnosheniyakh Sovetskogo Soyuza I Vostochnoy Germanii (1949-1989) / A.D. Popov // Nauchnyy dialog* [Constructing friendship in relations between the Soviet Union and East Germany (1949-1989) / A.D. Popov // Scientific dialogue]. № 6. P. 471-487.
13. Prokopenko V. (1965) *Tayna «Fel'dpochty № 24007» / V. Prokopenko, V. Romanov // Trud* [The Secret of "Field Post No. 24007" / V. Prokopenko, V. Romanov // Trud]. № 56. P. 3.
14. Romanko O. V. (2023) *Pamyat' o predatel'stve: obraz kollaboratsionista v poslevoyennom sovetskom kinematografe / O.V. Roman'ko, Ye.V. Prosolova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Memory of Betrayal: The Image of a Collaborator in Post-War Soviet Cinema / O. V. Romanko, E. V. Prosolova // Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations]. № 1. P. 240-249.
15. Huber F. (2024) *Za dver'yu podzhidayut prizraki: Drama poslevoyennoy sem'i v Germanii / F. Khuber; [per. s nem. A.N. Anvayera]. – M.: KoLibri, Azbuka-Attikus* [Ghosts Lurk Behind the Door: The Drama of a Post-War Family in Germany / F. Huber; translated from German by A. N. Anvaer. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus]. P. 288.
16. Shirokov V. (1965) *Ne zabudem, ne prostim! Dokumenty oblichayut / V. Shirokov // Krymskaya Pravda* [We will not forget, we will not forgive! Documents expose / V. Shirokov. // Krymskaya Pravda]. № 40. P. 7.
17. Yurchak A. (2024) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye / A. Yurchak; [per. s angl. A. Yurchak]. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye* [It was forever, until it ended. The last Soviet generation / A. Yurchak; translated from English by A. Yurchak. M.: New Literary Review]. P. 664.